

УДК 111
ББК 87.1

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

КОСМОС КОСТРОМСКОЙ ИЗБЫ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЛОКУС В НООСФЕРНОЙ ДИНАМИКЕ

Статья посвящена рассмотрению культурологического измерения ноосферных войн, пронзивших XX век и увековеченных в искусстве. В качестве предмета анализа избран рассказ-зарисовка Юрия Николаевича Куранова, через который авторы указывают на космологический символизм деревенского дома, на связь идиллического и эсхатологического бытийных планов и сотериологическую возможность, заложенную в опыте Начала. Показано, что Дом — есть собирательный образ всего смысла человеческой жизни. Сделан вывод об эсхатологической невозможности обустройства человечества изнутри всемирной истории и неизбежности духовного поиска.

Ключевые слова: ноосферные войны, космос, дом, метафизика, лес, поле, имя, бездомность.

V. P. Okeansky, Zh. L. Okeanskaya

THE UNIVERSE OF KOSTROMA PEASANT'S HOUSE: THE SYMBOLIC LOCUS IN THE NOOSPHERE DYNAMICS

The article is devoted to the consideration of the culturological dimension of the noospheric wars that pierced the 20th century and immortalized in art. The subject of analysis is a sketch-story by Yuri Nikolaevich Kuranov, through which the authors point to the cosmological symbolism of a peasant's house, the connection between the idyllic and eschatological existential plans and the soteriological possibility inherent in the experience of the Beginning. It is shown that the House is a collective image of the whole meaning of human life. The conclusion is made about the eschatological impossibility of arranging humanity from within world history and the inevitability of spiritual search.

Key words: noospheric wars, space, home, metaphysics, forest, field, name, homeless.

DOI: 10.46724/NOOS.2020.2.84-91

Ссылка для цитирования: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Космос костромской избы: символический локус в ноосферной динамике // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 2. С. 84—91.

Citation Link: Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2020) Kosmos kostromskoy izby: simvolicheskiy lokus v noosfernoy dinamike [Cosmos of the Kostroma peasant's house: a symbolic locus in the noosphere dynamics], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 2, pp. 84—91.

XX век похоронил многие добротные начинания столетия предшествующего, это стало окончательно понятно с приближением его исхода, когда, как казалось в горниле ноосферных войн, само время оборачивалось вспять и открывались пройденные человечеством, но все еще недоосвоенные и, как прежде, манящие дали...

Небольшой рассказ-зарисовка Юрия Николаевича Куранова под названием «Починок» создавался долго; советская страна переживала тогда эйфорию от триумфального начала эры космонавтики, но автор обратился к теме очага и корней, приведшей его впоследствии к духовной литературе. Текст по завершении подписан: «1962 г. — 1964 г.», то есть его становление шло целых два года — хватило бы, пожалуй, для полета на Марс... Таким образом, этот рассказ хранит в себе следы и каких-то более глубоких раздумий, чем просто описание деревенской избы... Приведем его по нашему собственному учебному изданию [4, с. 192]:

Стоят спокойные, прохладные, пожилые. И ветер поигрывает раскрытыми ставнями окон. И пахнет в них смолой, крошкой, глаженным бельём. Солнце и ветер давно уже вытопили смолу из всех стен, половиц, косяков. Но в избах смолой ещё пахнет сухо и тепло.

Дома стоят на поляне. Вокруг подрёмывают ельники, неистово пенит кипрей длинные шапки соцветий, под самыми окнами рассыпались гвоздики. И ласточки, ласточки вьются весь день. Детишки где-то в кустах собирают в лукошки бруснику. Взрослые в поле теребят лён.

У окна крайней избы — старик в зелёной кепке. Старик покручивает батарейный приёмник. Приёмник маленький, как детский чемоданчик. Старик слушает музыку.

В каждой избе по чуланам бродит в лагунах холодный острый квас.

Вот он, Починок. Трошин Починок. Поставил его, первый дом срубил здесь какой-то Троша сотню лет назад. Почал. Почин заложил деревне.

Ласковым словом определил работу — починок.

У каждого есть в жизни починок, который на долгие годы будет связан с его именем. А если нет у человека своего починка, то он — и без крыши над головой, и без людской памяти, и без родной поляны.

Тональность текста, если читать его вслух, побуждает нас не только к чистому созерцанию деревенской идиллии, но и к определенным эсхатологическим размышлениям, хотя это не сразу становится внятно... Особенно последний абзац в смысловом отношении построен так, что мы, охваченные метафизической тревогой, непременно задумываемся о себе самих. Авторские утверждения затрагивают нас экзистенциально, ибо касаются каждого человека. Причем они в определенном, а именно — духовно-религиозном, смысле тревожат, ставят нас в ситуацию взвешенности наших дел пред лицом неминуемого Страшного Суда, где они будут «испытаны» (1 Кор., 3: 13).

Вернемся к началу рассказа и выделим опорные имена-образы, слагающие композицию произведения и формирующие его художественную концепцию. В центре — образ ДОМА, средоточие человеческого бытия на земле. Другой устойчивый образ в этой зарисовке, хотя он упоминается всего два раза (во втором случае — со словом «родной») — ПОЛЯНА; поляна — это распахнутый мир, переходящий в даль — в ЛЕС и в ПОЛЕ...

В лесу — дети, лес предстает как образ, хранящий в себе некую первозданность, детство человечества. Лес, связанный с детством, — образ мифоло-

гический, но вместе с тем и библейский: первозданный сад — утраченный людьми эдемский рай — предстает как *возделанный Господом перволес* — аристотелевская «первоматерия» (древнегреческая лексема «гиле», она же «уле» — откуда идея *продуктивного, чреватого, плодородного* «нуля!»). В этой области метафизического лесоведения имеются самые замечательные современные разработки, принадлежащие таким философам, как В. В. Биbihин [2] и В. Ю. Аникин [1].

В рассказе лес предстает как некое щедрое лоно, одаряющее людей плодами. Дети собирают бруснику, но в костромском лесу ведь есть и волчьи ягоды, о которых здесь пока умалчивается... Поле — юдоль человеческого труда: *взрослые* — в поле; человеческая участь — работа, забота о насущном хлебе...

ОКНО — образ исходно космический, он заявлен дважды, причем если первая его фиксация маркирует *абсолютное начало*, то вторая — *относительный конец*. В первый раз появляются распахнутые в мир окна, открытые *солнцу и ветру, огню и воздуху, стихиям неба и земли*. Во втором случае — у окна *крайней* избы — *старик*. Сближение образов края и старости указывает на *пограничность* жизни и смерти. У окна дома вся даль приходит в близость, приближается, оставаясь, однако, далью...

Леса, поля, молодость и старость простираются в раскрытом окне *распахнутого* в мир дома и одновременно дома, *собирающего* в себя весь мир. В этом доме соседствуют *современность* (при-емник: еще один способ собирания мира!) и *древность* (лагуны, в которых бродит квас). Приемник свидетельствует не только о приближении информации и сокращении расстояний, но и о начале новой космической эры, когда человеческая деятельность на земле уже оставляет гигантские и все более расширяющиеся в мировом пространстве космические следы. Например, в радиусе ста световых лет можно зафиксировать первые земные радиопередачи... И. С. Шкловский не без доли иронии интересно отмечал это позитивное самообнаружение технического человечества при скептической оценке известной информационной пластинки с уходящей за пределы Солнечной системы американской станции «Пионер-10», где в сжатом виде содержится главная информация о человеческой цивилизации и ее местоположении в космосе: «Страшновато, правда, подумать, что через многие миллиарды лет, когда, может быть, эта пластинка будет изучаться инопланетными разумными существами, земной цивилизации уже, вероятно, не будет. Ну, что же — космическая археология — тоже наука... Если же говорить серьезно, то для инопланетной цивилизации (если она, конечно, есть) несравненно более вероятно высадиться на Землю, чем найти ее ничтожно малый "осколок" — "Пионер-10"» [5, с. 220].

Есть великолепные слова у Ф. Энгельса, которые увлеченно цитировал известный позднесоветский социолог А. Горбовский, авторитетно указывая на фактор всеобщей брэнности: «Может быть, пройдут ещё миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лёд, когда всё более и более скучивающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни полноту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля — мёртвый, остывший шар вроде Луны — будет кружить в глубоком мраке по всё более коротким орбитам вокруг тоже умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадёт. Одни планеты испытают эту участь раньше, другие позже

Земли; вместо гармонически расчленённой, светлой, тёплой солнечной системы останется лишь один холодный, мёртвый шар, следующий своим одиноким путём в мировом пространстве. И та же судьба, которая постигнет нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов, даже тех, свет от которых никогда не достигнет Земли, пока ещё будет существовать на ней человеческий глаз, способный воспринять его» [3, с. 167—168].

Но вернемся к рассказу. Лагуны с квасом — продолжение торжества урожая, а последний символизирует расположенность небес и исполнение человеческих прошений вплоть до евхаристических: «Когда волнуется желтеющая нива, — пишет Лермонтов, — то в небесах я вижу Бога», таким образом выражая то, что позднее В. В. Розанов назовет «философией урожая». Но как зрелые хлеба, так и осенний лист на дороге свидетельствуют, кроме всего прочего, и об исходном устройстве Солнечной системы, наклоне земной оси, благодаря чему происходит сезонная смена времен года и оказывается возможен привычный нам календарь...

Дом находится в деревне Починок, и это важно лишь потому, что это — конкретный, реальный, а не выдуманный дом... Но далее мы вместе с автором переходим к *Первому Дому*. Дом вырастает уже в своем архетипическом первообразе, и строит этот *Первый Дом* опять же конкретный человек — Троша («сотня лет назад» указывает на древность; но и на присутствие конкретного, *незабытого* начала — скажем, начала пореформенных 1860-х годов, ознаменовавших освобождение крестьян: и если прогрессист Н. А. Некрасов в связи с этим указывал, что «порвалась цепь великая, одним концом ударила по барину, другим по мужику», то реакционер К. Н. Леонтьев восклицал, что «это была какая-то умственная весна».

Это Начало («Почал») в рассказе и в жизни становится «почином», некоей предваряющей основой грядущего символического «почкования» поколений человеческой жизни. И здесь начинают проступать метафизические идеи сущности человека как образа и подобия Божьего и произведения человеческого творчества как образа и подобия Божьего мира. Человек творит Дом, уподобляясь Богу, творящему и благословляющему Мир: «Ласковым словом определил работу — починок». «И назвал Бог свет — днём, а тьму — ночью... и стало так... и увидел Бог всё, что Он создал, — и вот, хорошо весьма...». О. Шпенглер во втором томе «Закате Западного мира» говорил, что «дом — это самое чистое выражение породы», а «душа... людей и душа их дома — одно и то же» [6, с. 23]. М. Элиаде в книге о «вечном возвращении» писал о небесных архетипических праобразах всякого земного благоустройства: «...окружающий нас мир, где ощущается присутствие человека и результаты его трудов, все эти горы, куда он взбирается, заселённые и возделанные земли, судоходные реки, города, святилища — имеют внеземные прототипы, представляемые или как "проект", "образец" или как собственно "двойник", существующий на высшем космическом уровне. Но не всё в "мире, который нас окружает", имеет подобные прототипы. Например, пустыни, где живут чудовища, невозделанные земли, неведомые моря, куда не осмеливался заплывать ни один мореплаватель, и т. п., отнюдь не делят с городом Вавилоном или египетским *нумом* привилегию иметь свой собственный прототип. Они соответствуют мифологической модели, но иного рода: все

эти дикие, варварские территории уподобляются Хаосу; они часть нерасчленённой, бесформенной субстанции, существовавшей до Творения» [7, с. 21].

В последнем абзаце курановского рассказа еще раз указывается замысленное свыше *богоподобие* изначальной сущности человека: «У каждого есть в жизни починок, который на долгие годы будет связан с его именем». Через дело свое человек обретает себе ИМЯ. Починок, Дом — есть собирательный образ всего смысла человеческой жизни... Один из последователей Фридриха Ницше и Вильгельма Дильтея немецкий философ-экзистенциалист Отто Фридрих фон Больнов пишет: «Человек строит свой дом, ибо только в его стенах и под его крышею человек чувствует себя у себя, а лишь у себя можно быть счастливым».

Последнее предложение в этом небольшом тексте приоткрывает возможность полной бездомности человека и ее смысловые предпосылки — «отсутствие своего починка»... Мы живем в эпоху, по словам другого знаменитого философа XX века Мартина Бубера, как «в открытом поле», потому так важно искать укоренения в *своем*, обретая его как дар Божий, который следует приумножить, а не бежать от него в погоне за призраками всецело подконтрольного новым модераторам человечества оглуляющего успеха и всеобесмысливающего престижа... И остается еще вопрос: а всякий ли человеческий почин может найти благословение и освящение Всевышнего?

Одному из соавторов представляемого материала тридцать три года спустя и четверть века назад (то есть нас от описываемых событий отделяет почти шесть десятков лет) довелось побывать в этом диковинном мире угоров и увалов Пыщуганья, на представленном в рассказе и тогда уже исчезнувшем с лица земли хуторе Трошино, в этом столетнем полуразрушенном доме, где когда-то — совсем еще в другую эпоху — жил и трудился замечательный московский художник школы Сарьяна Алексей Никифорович Козлов, главным объектом изображения которого стала костромская глубинка... Дом пережил гибель двух цивилизационно-ноосферных волн: российской и советской; от его былой основательности почти ничего не осталось... Сквозь полы и крышу проросли деревья, лес подступил к самому крыльцу. От других же «пожилых» изб не осталось и следа! Люди покинули эти дивные места. По редким дорожкам и недалеким живописным берегам Ветлуги разгуливали медведи, потомки одичавших собак и всякая иная живность, оставляя свои тревожно-загадочные следы. Посещалась диковинная планета, когда-то бывшая *человеческой* землёй... Эта история, поведанная другому соавтору, стала основой предлагаемого в нашем докладе герменевтического сюжета.

Таких мест (сельских и столичных) очень много на земле, они отражены в поэтическом слове, согласно «Поэтике» Аристотеля, всегда «глубже истории» раскрывающем исходную космичность описываемой ситуации и «говорящем о всеобщем»; например — Р.-М. Рильке:

В деревне той стоит последний дом,
Как будто впереди — конец всему...
Дорога повернула за холмом
И медленно ушла в ночную тьму...
Деревня — только робкий переход
Между двух далей; всё чего-то ждёт...
Дорогой этой так легко уйти,
А кто ушёл, тот всё ещё бредёт
Или давно уже погиб в пути...

Или вот, более ноосферное стихотворение Арсения Александровича Тарковского — «Дом напротив»:

Ломали старый деревянный дом...
Уехали жильцы со всем добром,
С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами...
Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,
И всё осталось навсегда как было,
Но обнажились, между тем, стропила,
Забрезжила в проёмах без стекла
Сухая пыль и выступила мгла...
Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывшие надежды и желанья —
Сруб разобрали, брёвна увезли,
Но ни на шаг от милой им земли
Не отходили призраки бывшего,
И про рябину песню пели снова,
На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,
Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,
И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,
Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,
Пока над ними кран, как буква "ГЕ",
Не повернулся на одной ноге...

Общая фундаментальная ситуация, заложенная в самих эсхатологических основаниях космичности, передана не только древнекитайским иероглифическим образом ускользящего пути — Дао, но и в замечательном стихотворении «Дорога без конца» покойной шуйской учительницы Ксении Борисовны Зиминой:

Я шла по дороге, которой уж нет
По пояс в траве, по колено в болоте —
Не надо за мной, всё равно не пройдёте
Дорогой, которой уж нет...

Пришла я в деревню, которой уж нет —
Туда, где стояли две-три развалюхи,
Где горестный век доживали старухи
В деревне, которой уж нет...

У дома без крыши, без рам, без дверей
Усталая я на завалинку села...
В глубокой крапиве малина поспела
У дома без крыши, без рам, без дверей...

Такая стояла кругом тишина,
Что сердце сжималось и мне показалось,
На целой земле никого не осталось —
Такая стояла кругом тишина...

Ушла я дорогой, которой уж нет,
 По пояс в траве, по колено в болоте —
 Не надо за мной, всё равно не пройдёте
 Дорогой, которой уж нет...

На этом мы завершим наш материал, сформулировав неизбежный вывод: неисчислимая и немоделируемая брэнность, всепронизывающая и обступающая нас во времени, не оставляет шансов окончательному обустройству человечества изнутри всемирной истории и обращает его к духовным поискам трансцендентных берегов вечной жизни за ее пределами.

Библиографический список

1. Аникин В. Ю. Лес // Архетип детства — 2: дети и сказка в культуре, литературе, кинематографии и педагогике: Научно-художественный альманах / сост.: В. П. Океанский, А. В. Тарасов. Иваново: Ивкиносервис, 2004. С. 19—24.
2. Бибихин В. В. Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
3. Горбовский А. Год 2000 и далее... М.: Знание, 1978. 192 с.
4. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Герменевтика словесности и культуры. Иваново; Шуя: Центр кризисологический исследований Шуйского государственного педагогического университета, 2010. 210 с.
5. Шкловский И. С. Вселенная. Жизнь. Разум. М.: Наука, 1987. 320 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р. А. Гальцева; пер. и примеч. С. С. Аверинцев и др. М.: Прогресс, 1991. С. 23—68.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. СПб.: АЛТЕЙЯ, 1998. 249 с.

References

- Anikin, V. Yu. (2004) *Les* [Forest], in Okeanskiy, V. P., Tarasov, A. V. (eds.) *Arkhetip detstva — 2: deti i skazka v kul'ture, literature, kinematografii i pedagogike: Nauchno-khudozhestvennyy al'manakh* [The archetype of childhood — 2: children and a fairy tale in culture, literature, cinematography and pedagogy: Scientific and artistic almanac], Ivanovo: Ivkinoservis, pp. 19—24.
- Bibikhin, V. V. (2011) *Les* [Forest], Saint Petersburg: Nauka.
- Gorbovskiy, A. (1978) *God 2000 i daleye...* [Year 2000 and beyond ...], Moscow: Znaniye.
- Okeanskiy, V. P., Okeanskaya, Zh. L. (2010) *Germentevitika slovesnosti i kul'tury* [Hermeneutics of literature and culture], Ivanovo; Shuya: Tsentr krizisologicheskoy issledovaniy Shuyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Shklovskiy, I. S. (1987) *Vselennaya. Zhizn'. Razum* [Universe. Life. Mind], Moscow: Nauka.
- Spengler, O. (1991) *Zakat Evropy. T. 2* [Decline of Europe. T. 2], in Gal'tsev, R. A. (ed.) *Samosoznaniye yevropeyskoy kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve* [Self-awareness of the European culture of the twentieth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society], Moscow: Progress, pp. 23—68.

Статья поступила в редакцию 12.12.2019 г.

Сведения об авторах

Океанский Вячеслав Петрович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна — доктор культурологии, профессор, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново, Россия, ocean_2004@mail.ru

Information about the authors

Okeansky Vyacheslav Petrovich — Dr. Sc. (Philology), Head of the Department, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russian Federation, ocean_65@mail.ru

Okeanskaya Zhanna Leonidovna — Dr. Sc. (Culturology), Professor, Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia, Ivanovo, Russian Federation, ocean_2004@mail.ru